

1.2. Наблюдая прошлое: изобразительные и аудиовизуальные источники в исторических исследованиях

УДК 94(430).085

Н. Н. Баранов

«ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ УДАР НОЖОМ В СПИНУ»: ЛЕГЕНДА О ПОРАЖЕНИИ ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ (1918–1932)¹

Миф о «дольхштоссе», или предательском ударе ножом в спину был главным оружием консервативных и националистических сил Германии в их борьбе против Веймарской республики. Его происхождение, смысл, политическое и историческое значение имеют богатую историографию. В то же время созданные как протагонистами, так и оппонентами многочисленные изображения, раскрывающие содержание мифа и эмоционально подкрепляющие аргументы сторон в ожесточенных спорах вокруг него, до сих пор остаются вне поля внимания историков. При этом семантический анализ художественных произведений различной жанровой принадлежности (карикатура, плакат, журнальная иллюстрация) может существенно уточнить знание об интеллектуальной атмосфере эпохи, стереотипах массового сознания, идеологемах представителей полярных политических лагерей. Предлагаемая публикация представляет собой скромную попытку такого рода.

Ключевые слова: Германия, Веймарская республика, Первая мировая война, Гинденбург, Гитлер, Зигфрид, консерватизм, национализм, антисемитизм, социал-демократия.

Первая мировая война имела для Германии катастрофические последствия: гибель более двух миллионов человек, революция, падение монархии, крах империи, навязанный победителями тяжелейший, воспринимавшийся как несправедливый и унижительный Версальский мир. При этом все четыре года война фактически велась за пределами страны. Не удивительно, что минувшая война стала центральным объектом коммуникативной и культурной памяти народа, исторической политики властей республики, партий Веймарской коалиции и оппозиционных ей политических сил. Высокая степень политической поляризации, ожесточенное противостояние радикальных политических групп с применением крайних форм вооруженного насилия на грани гражданской войны обусловили распространение не только конкурирующих, но и прямо враждебных одна другой версий памяти о Великой войне. Ожесточенные дискуссии вокруг восприятия Первой мировой войны занимали важное место в политической культуре Веймарской республики.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Привлекательным символом мировой войны стал образ солдата в стальном шлеме с железными нервами и волей, вокруг которого быстро возникли обширная мифология и иконография. Стереотип превосходства немецких солдат встречается не только в трудах национал-революционеров. Он сыграл не менее важную роль и в мемуарах немецких генералов, и в послевоенных школьных учебниках истории, и даже в антивоенной литературе. Ремарковский Боймер, который неоднократно указывает на численные и материальные преимущества врага, говорит в конце: «Мы не разбиты, потому что мы хорошие, более опытные солдаты; мы просто подавлены и отодвинуты назад многократно превосходящим нас противником» [Ремарк, с. 174]. Такая фраза могла присутствовать в любом консервативно-националистическом описании мировой войны.

После поражения воспоминание о роли пассивной, обороняющейся жертвы, что определяла повседневную жизнь солдат, особенно на Западном фронте, вызвало острую потребность в компенсации. Она нашла свое выражение в противопоставлении высоких морально-волевых качеств немецких солдат техническому и материальному превосходству Антанты. Необходимость преодоления страха, хотя бы временная нейтрализация инстинкта самосохранения, стремление к победе над «внутренним врагом» периода конца войны и революции стал ядром всей военной психологии в двадцатые и тридцатые годы. Идеальным типом становится солдат «породы Зигфрида», «люди без нервов», кого «война не уничтожила за четыре года» и кто бросил вызов окопной войне как «малая элита фронтовиков», особенно в составе штурмовых батальонов и ударных частей. Этот образ стал центральным в творчестве Э. Юнгера, его целиком разделяли «новые правые», а в последствии он стал основным для военно-пропагандистского аппарата Третьего рейха.

Важным фактором сплочения националистических и антидемократических сил в Германии стала легенда о «предательском ударе ножом в спину», которая фактически отрицала легитимность Веймарской республики. Она была сформулирована и активно распространялась правыми силами, которые утверждали, что победоносная германская армия должна была сложить оружие только под влиянием предательства или саботажа в тылу. В отличие от других сюжетов межвоенной истории Германии в отношении этого конструкта существует удивительное единодушие. Известный немецкий историк Г. А. Винклер утверждает, что легенда сыграла решающую роль в создании «специфического националистического климата, в котором развивалась политическая жизнь Веймарской республики» [Винклер, с. 115]. Разрушительный эффект этой легенды для республики трудно переоценить и даже «большинство республиканцев в конце концов без борьбы капитулировало перед этим бременем прошлого» [Heinemann, S. 386]. Однако до сих пор исследователи происхождения этой легенды ограничивались в ее интерпретации достаточно узким кругом высших военачальников и связанных с ними

военных объединений, таких как Стальной шлем или Кифхойзербунд. В ней видели средство не только против внутренних политических противников. После военного поражения она служила также оправданию генералов за принятые ими стратегические решения и отданные приказы. Соответственно, историографический анализ этого комплекса до сих пор в значительной степени ограничивался тщательной реконструкцией генезиса «удара в спину» со стороны военной верхушки. С одной стороны, военные уже в 1916–17 гг. указывали на развал «внутреннего фронта», а Гинденбург в 1919 г. утверждал, что германская армия, как и Зигфрид, была поражена отравленным копьем Хагена. С другой стороны, выступая перед комиссией рейхстага по расследованию вопроса об ответственности за развязывание войны, генерал Г. фон Кюль и другие подчеркивали, что в 1918 г. уже не могло быть речи о победе над противником, а только об упорядоченном отступлении, которое стало невозможным из-за начала революции, поэтому армии пришлось поспешно и безоговорочно капитулировать [См.: Krumeich, S. 585–599].

В то же время, легенда имела важное значение для национал-социалистического движения. Гитлер в своих выступлениях довольно рано прибегнул к арсеналу стереотипных обвинений против социалистических «ноябрьских преступников» и «армейских предателей». Однако он делал это вовсе не потому, что высшие офицеры пропагандировали «удар кинжалом». В своей популистской риторике он выступал как представитель солдатского национализма, как решительный критик вильгельминских элит, особенно военных. «Безымянный солдат» мировой войны, как Гитлер любил называть себя в период избирательных кампаний, признавал важность легенды в стремлении к легитимизации массового националистического движения посредством псевдорелигиозного культа жертв немецких фронтовиков.

Что касается распространения и инструментализации легенды с точки зрения исторической политики, то она подробно обсуждалась в комиссии рейхстага по расследованию причин краха Германии, а также в ходе мюнхенского судебного процесса 1925 г., который фактически представлял собой публичный вариант деятельности комиссии. Процессу предшествовала так называемая «газетная война». В преддверии выборов в рейхстаг 1924 г. публицист консервативно-националистического толка Н. Коссман опубликовал два тематических номера своего издания «Süddeutschen Monatshefte», в которых попытался обосновать тезис об ударе ножом в спину и тем самым попытаться дискредитировать своих оппонентов из левого лагеря. В ответ социал-демократическая газета «Münchener Post» опубликовал серию статей, в которых депутат рейхстага от СДПГ М. Грубер обвинил Коссмана в «лжи о выборах и фальсификации истории». Тот заявил о политическом оскорблении, подал на Грубера в суд и в итоге выиграл дело. Грубер вынужден был заплатить 3000 рейхсмарок штрафа, а в общественном мнении укрепилась мысль

о том, что справедливость версии о предательстве подтверждена решением суда [Moses, S. 240–256].

В ходе судебного процесса Косман также апеллировал к психологии. Косман считал «историю только вспомогательной наукой для психологии». Потому что не «материальные вещи определяют судьбу людей. Идеи, чувства определяют направление и силу воли». Август 1914 г. он назвал наиболее ярким доказательством правильности желаемого слияния «идей, чувств и воли народа». Тогда мы испытали «вспышку эмоций, независимых от всех теорий». «Решающим фактором, – сказал Косман, – было не то, что социал-демократы одобрили военные займы, а настроение миллионов людей. Эмоции, а не теории — это главное» [Krieg im Frieden, S. 92].

Активная эксплуатация легенды об ударе ножом в спину была основана на инструментальном понимании политики и соответствовала политическим интересам консервативной части общества и традиционных элит. Наряду с сохранением привычного социального статуса они стремились отстаивать свои собственные притязания на власть и защищать себя от политических конкурентов. Основная задача средств массовой информации и публичной активности ветеранских объединений заключалась в том, чтобы максимально эффективно реализовать эти стремления.

Однако обращение к легенде не ограничивалось одним политическим сценарием и порой затрагивало глубинные ценностные установки людей, оказавшихся в ситуации тотального краха привычных условий жизни. В частности, об этом наглядно свидетельствует зарисовка из дневника капитана 2-го ранга Б. фон Сельхова, относящаяся к рубежу 1918–1919 гг. Автор не собирався публиковать дневник, поэтому изображение вряд ли предназначалось для пропагандистских целей. Символика наброска отражает переплетение представлений о солдатской чести, политической ситуации, расистских и гендерных мотивов. В нем присутствует эмоциональное ощущение мрачной угрозы, обусловленное поражением в войне, революцией и переходом к республике. Автор воспринимает новую ситуацию как переоценку и девальвацию всех ценностей, которые гарантировали стабильность и порядок в империи. Рисунок выходит далеко за рамки пропагандистского оружия в политической борьбе. Храбрый и готовый сражаться солдат с Железным крестом на груди умирает не от кинжала, направленного рукой левого предателя, но от классического копья из мифа о Нибелунгах [Münkler, S. 86]. Голова Медузы со звездой Давида указывает на двойной характер предательства внутреннего фронта в войне героической немецкой нации со стороны женщин и евреев.

В данном случае рисунок ни в коем случае не является политической агиткой. Скорее, оно отражает субъективные усилия автора по символической обработке тех катастрофических обстоятельств, мотивов, которые привели к внезапному и необратимому разрушению порядка, казавшегося до

этого нерушимым. В этом смысле картина содержит существенные элементы политического мифа, который не только служит цели получения символического капитала, но и является «коллективным генератором смысла» для тех, кто разделяет послание, закодированное в мифе. Кроме того, тезис о предательском ударе также служил национальному и милитаристскому лагерю средством усвоения того, казалось бы, вопиющего факта, что все это могло произойти, несмотря на волевое превосходство и храбрость немецких солдат и превосходство немецкой стратегии.

Сила воздействия мифа в контексте политики памяти правых объясняет трудности, с которыми сталкивались левые ветеранские объединения в попытках его опровержения. Одним из главных борцов с ним был Эрих Куттнер, сотрудник главного органа социал-демократов газеты «Vorwärts», основатель и председатель союза ветеранов и инвалидов войны. По его инициативе было опубликовано (в том числе в издававшемся А. Парвусом журнале «Die Glocke») множество материалов, которые доказывали лживость утверждений о предательстве левых [См.: Bathe]. Однако разоблачители мифа искренне заблуждались, когда считали, что рациональных аргументов будет достаточно для разрушения его эмоциональной убедительности.

Список литературы

Винклер Г. А. Веймар 1918-1933. История первой немецкой демократии. М.: РОС-СПЭН, 2013.

Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен – Возвращение. М.: Художественная литература, 1988.

Bathe R. Der Zusammenbruch. So war der Krieg! So war sein Ende! Ein Wort gegen Dolchstoßlüge und Kriegshetzer. Berlin: Freie Presse, 1931.

Heinemann U. Die Last der Vergangenheit. Zur politischen Bedeutung von Kriegsschuld- und Dolchstoßdiskussion / Die Weimarer Republik 1918-1933. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft. Hg. von K.-D. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1998.

Krieg im Frieden. Die umkämpfte Erinnerung an den Ersten Weltkrieg. Quellen und Dokumente. Hrsg. von B. Ulrich und B. Ziemann. Frankfurt a.M.: Fischer, 1997.

Krumeich G. Der „Dolchstoß“ / Deutsche Erinnerungsorte. Hg. von H. Schulze, E. Francois. Bd. 1. München: C.H. Beck, 2001.

Moses J. A. Die Wirkung der Dolchstoßlegende im deutschen Geschichtsbewußtsein / Ansichten vom Krieg. Vergleichende Studien zum Ersten Weltkrieg in Literatur und Gesellschaft. Hg. von B. Hüppauf. Königstein/Ts.: Forum Academicum, 1984.

Münkler H., Storch S. Siegfrieden. Politik mit einem deutschen Mythos. Berlin: Rotbuch, 1988.